

УДК 11+728.01

МЕТАФИЗИКА СОКРОВЕННОГО В ЖИЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ****А.Б. Костерина, Е.Ж. Шуплецова***

Целью данной статьи является поиск метафизических оснований жилого пространства через категорию сокровенного, исследование трансформации сокровенного в историческом измерении, выявление диалектики сокровенного и откровенного в жилом пространстве современной культуры.

Ключевые слова: метафизика; культура; жилое пространство; сокровенное; дом.

Процесс глобализации, охвативший современную цивилизацию, приводит к стиранию границ между странами и народами, размыванию национальных и этнических особенностей культур. Этому процессу способствует и современный урбанизм, лишая современную архитектуру выразительности и уникальности, что ведет к потере не только своего лица, но и души города. Градостроительство и архитектура «свидетельствуют об утере городом целостности и органичности, о его дезинтеграции и дезорганизации», современный мегаполис являет растиражированное «воспроизводство того же самого в бесконечном процессе отождествления, в универсальной культуре тождественности» [3], города меняют уклад жизни, привнося в нее иные ценности. В пространстве мегаполиса защитная (устроительная) функция архитектуры в части организации жизни общества и человека, его уверенности в безопасности практически исчезла. Неуверенность в защищенности приводит к утрате основных базовых концептов: дом, очаг, семья, уют. Следствием глобализации становится человек бездомный и безродный (по М. Хайдеггеру), который выпадает из мира и эпохи. М. Бубер, философ и религиозный мыслитель, различал эпохи обустроенности и бездомности. В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной, как дома, в эпоху бездомности — как в диком поле, где и колышка для палатки не найти [4]. Пространст-

ва, как и люди, становятся неустроенными. Бездомность, одиночество человека, находящегося в атмосфере потерянности и духовной дезориентации, ведет к утрате сокровенных точек опоры в окружающем мире, раздираемом противоречиями, психологической напряженностью и тревогой.

В связи с этим актуальным является забота о сохранении национальных особенностей архитектуры различных культур и организации жилого пространства в частности.

Несмотря на обилие и многогранность исследований, посвященных изучению жилого пространства как объекта архитектуры, философско-культурологические аспекты этой темы мало изучены и требуют своего раскрытия: диалектика откровенного и сокровенного в жилом пространстве, трансформация сокровенного в историческом измерении, национальные варианты сокровенного в жилом пространстве. Глубокая внутренняя связь архитектуры и философии осознавалась еще с античности. Так, Витрувий, автор античного трактата по архитектуре, утверждал, что для создания построек знание философии необходимо, оно «возвышает дух архитектора» [5, с. 22]. Согласно Витрувию, сооружения и архитектуры, и философии должны отвечать критериям: *firmitas* (прочность конструкции), *utilitas* (польза), *venustas* (красота). Кант также считал, что философ, метафизик должен действовать подобно хороше-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекта № 01201260589)

Костерина Алла Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории искусств и художественного мастерства; Российский государственный профессионально-педагогический университет, Институт искусств; 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; akosterina@yandex.ru.

Шуплецова Елена Жановна — доцент кафедры дизайна интерьера; Российский государственный профессионально-педагогический университет, Институт искусств; 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; el-jane@yandex.ru.

му архитектору и конструктору, чтобы позаботиться об основании, о фундаменте, готовя территорию. Он организует философию, исследуя метафору архитектуры и архитектурной техники (архитектоника, по Канту, — система, включающая подсистему как единство многообразия знаний, объединенных общей идеей), тем самым выстраивая метафизику как целое [9]. Философы во все времена активно оперировали терминологией архитектуры, утверждая, что для строительства философской системы, как всякого сооружения, нужны надежные «основания» — «фундамент» и «этажи», чтобы все здание философии не рухнуло [18].

По мнению Хайдеггера, архитектура опирается не на фундамент, а *на язык*, на культуру, которые выражают всем своим орнаментальным существом смысл этой «одомашненности» во внешнем мире. Идея языка Хайдеггера — это «дом бытия». Дом (как язык) — это то, что должно быть близким, родным, своим. «Бытие как событие, посылающее истину, остается потаенным» [19, с. 206]. М. Хайдеггер рассматривает пространственную организацию «бытия-в-мире» и показывает, что сам опыт ориентации человека в мире и всякая возможность познания окружающего определяется исходным опытом быть «вблизи» какого-то сущего, опытом удержания его «под рукой». Бытие Хайдеггер определяет как «кров, который укрывает человека, его экзистирующее существо, в своей истине», обеспечивая ему укоренность, мир и покой [19, с. 218].

Марк Вигли, автор «Архитектуры деконструкции», в своем исследовании рассматривает обнаруженные Дерридой отношения между архитектурой и философией в плане обращения его к концепции пространства как продукта письменности. Исходя из того, что пространство — продукт письменности, Деррида противопоставляет пространство внешнее (письмо, графический знак) внутреннему (голосу, живой устной речи). Внутреннее — есть присутствие, а внешнее — это представление, автор вовлекает в дело метафоры, связанные с интерьером и экстерьером: дом «не как усадьба, увиденная издали и прочитанная с помощью словаря архитектурных стилей, а скорее как интерьер жилища, семья. Собственно “дом” — это уже не архитектурная (хотя отчасти еще и архитектур-

ная), сколько бытовая, социально-психологическая, метафора» [18].

Таким образом, существуют черты духовного родства между философией — «матерью наук» и архитектурой — «матерью искусств», поэтому целью нашего исследования является поиск метафизических оснований жилого пространства. Основанием для нового осмысления может стать, на наш взгляд, категория сокровенного. Смысл сокровенного поддается толкованию через этимологию, семантику (кров, кровь), но точной передаче не поддается, и хотя доступен чувственному опыту через явленное и неявленное, осязаемое и неосязаемое, внешнее и внутреннее, относится к категории, трудно определяемой и проговариваемой. Отдельные аспекты сокровенного нашли отражение в философской литературе на уровне таких синонимов, как тайна, сакральность, непостижимость и т.д. В классическом понимании категория сокровенного коррелирует с такими понятиями, как «дух», «духовное», «гармоничное». Место сокровенного — не вовне, а внутри человека. Следует отметить, что вся классическая философия пронизана духом дуализма, а потому и сокровенному как душевному, священному, сакральному, трансцендентному, иррациональному, небесному, высокому противопоставлены следующие понятия: телесное (материальное), мирское, профанное, имманентное, рациональное, земное, низменное и т.д.

Традиционное осмысление жилого пространства связано с домом, воспринимаемым как духовный центр, как символ бытия, как пространство сокровенного. Несмотря на то, что дом, как душа, открыт, он призван сокрывать внутреннюю жизнь человека, наполненную созерцательностью и вдохновением; сохранять родовые и семейные традиции; способствовать органичной слитности с природой. Дом — это укорененность, духовность и уют. Традиционное жилое пространство сохраняет интимность жизни и потому сокровенно.

Новое сокровенное в жилом пространстве современной культуры не столько отрицает традиционные трактовки, сколько смещает их акценты и производит некую подмену понятий, в результате происходит стирание границ, противопоставлений, ранее расположенных на разных полюсах. «Новое» сокровенное жилого пространства в современных условиях стре-

мится к телу комфорта и благ. Жилое пространство в современной культуре часто лишено не только духа, но и души. Если традиционная модель дома фокусировалась на очаге, кухне, гостиной и приватности личных пространств, то современная, зачастую, наоборот, представляет модель открытого пространства, где зоны перетекают друг в друга, максимально освобождая человека от физических и визуальных преград. Сегодня мы наблюдаем создание нового жилого пространства, подверженного десакрализации, деинтимизации, технологизации, в силу чего происходит потеря традиционного сокровенного. Жилое пространство, призванное сокрывать, сегодня утрачивается.

Поскольку жилое пространство в каждой отдельной культуре несет отпечаток времени, так и сокровенное в жилом пространстве подвержено трансформации в историческом измерении (по вертикали). Жилое пространство, по определению В. Шубарта, «это отражение национального Космоса, национального менталитета, это дух ландшафта, который пересекается с духом эпохи» [21, с. 15].

В эпоху первобытного общества осознание и восприятие окружающего пространства было предметно-чувственным, охватывало и воспринимало мир в его целостности, синкретичности. Вглядываясь в окружающее его пространство, человек настраивался на его ритмы и верил, что наряду с явленным существует неявленное, рядом с видимым — невидимое и сокрытое. Первобытный разум утверждал: реальность — мистична, мистика — реальна. Ему была неведома двойственность противоречий и дуализм, и потому сокровенным было насыщено все окружающее пространство, как живое, так и неживое, как внутреннее, так и внешнее, включая и его самого. Авторы «Современной первобытности» А.В. Павлов и В.Т. Галкин мироощущение первобытного человека передают в словах: «Мой мир есть мой дом, это — мое, это я сам, потому что каждая деталь дома от камня у входа до сломанной ветки в лесу полны для меня смыслом, имеют значение, понятны» [16, с. 22–23].

Для античного человека космос — это дом со своими границами, упорядоченный и выразительный, а потому прекрасно целый. Согласно А. Лосеву, античности характерна «самодовлеющая созерцательность»; человек, нахо-

дясь в гармонии с космосом, не стремился к тому, чтобы его усовершенствовать, заменить, он воспринимал его чувственно и материально, считая его идеальным и самоценным [14]. Устойчивая приверженность античного человека «идее строгой упорядоченности окружающего мира, универсального характера космического закона, имманентной силы, действующей спонтанно, божественного разума — логоса, пронизывающего и регулирующего Вселенную» является, по словам М. Барга, источником «чуждого ощущения таинственности, совершенства и красоты божественного порядка» [1, с. 37]. Античное миропонимание космоцентрично, так как космос включает в себе все: мировой ум, мировую душу, идеи, сущности — и все это неотделимо от телесности. Для эпохи характерно обращение к человеку, подобно космоса («человек есть мера всех вещей»). В античности соотношение внешнего (формы) и внутреннего (содержания) находятся в равновесии, поскольку все внутреннее и божественное здесь находит воплощение во вполне земном природном человеческом, а внешнее дается или может даваться внутренне, как заключает А. Лосев [14]. Все искусства и науки были подчинены единому архитектурному миропониманию, в архитектуре — триединству: прочность, польза, красота. Созерцая прекрасное, человек находится в гармонии с собой и Вселенной, так как в прекрасном заключена сама Красота — красота пропорций. Человек античности «жил в природе как в доме», пространство человека и пространство природы существуют в неразрывной целостности. Дом для него — весь мир, и весь мир — Дом. «Мир земной, мир природы — это жилище для человека, его обиталище, его Дом» [6, с. 8]. Таким образом, в античном человеке соединились свобода духа и свобода тела; божественное, бессмертное, сверхчувственное и земное, чувственное, несовершенное; телесное (тело человека, тело архитектуры), рациональное (пропорции человека, строений) и душевное (дух человека и архитектуры), по сути своей иррациональное, находились в равновесии; духовное (внутреннее) было неразрывно связано с видимым, телесным (внешним). Античное жилище в определенном смысле было «открытым» домом и соотносилось со «светлым жилищем богов». Греческое слово «наос» (naos) означает одновременно

«храм» и «жилище». Статуя бога требовала своей сокровенной обители — дома, и «жилище бога» должно быть освящено его присутствием. Дом эпохи античности — это дом бога, храм. Таким образом, сущностью сокровенного в эпоху античности являлись гармония и соразмерность мира, красота естественного бытия. Сокровенное было имманентным самому бытию.

Для средневекового человека сокровенному не было места в земном, тем более плотском, «поскольку подлунный мир его (человека) не только не радовал, но оставался ему враждебным» [1, с. 123]. Дуализм средневековых представлений, резко расчленявший мир на полярные пары противоположностей, группировал эти противостоящие одна другой категории по вертикальной оси: небесное противостоит земному, божественное — греховному, духовное — плотскому. Пространство средневекового человека представляет собой замкнутую систему со священными центрами (трансцендентное) и светской (профанной) периферией, потому для средневекового человека представление о доме, как и в античности, связано было не с жилищем, а с храмом, местом сокровенного, где человек растворяется в величии священного пространства, обозревая красоту и гармонию божественного творения, — невидимое и умопостигаемое снисходит на него через видимое и материальное. Н.А. Хренов утверждает, что сокровенное как сакральное проявляется в религиозных формах, земная жизнь — лишь преддверие, «порог перед входом в мир сверхчувственный, потусторонний», небесный [20, с. 298]. Потому для средневекового человека представление о доме связано было не с жилищем, а с храмом, местом сокровенного. Главной задачей средневекового жилища (от хижины до замка) было скрыть, спрятать, защитить их владельца от внешних, враждебных сил, оно было обнесено глухой стеной или забором, двери окованы железом, узкие окна зарешечивались и закрывались ставнями. Иными словами, сокровенное в эпоху средневековья было связано с небом, богом, сакральным. Сокровенное было трансцендентным, за пределами реального мира, «в ожидании жизни потусторонней, вечной» [6, с. 11]. Сокровенное в реальной жизни было связано со странничеством, бездомностью.

Доминантой эпохи Возрождения являлся антропоцентризм. Разрушена иерархия божественного и земного: все явления и вещи мира, по словам М.М. Бахтина, «покинули свои старые места в иерархии вселенной и устремились в одну горизонтальную плоскость становящегося мира, стали искать себе новые места в этой плоскости, стали завязывать новые связи, создавать новые соседства» [2, с. 464]. В связи с тем, что в эпоху Возрождения на первый план выходит сам человек, его индивидуальность, рождалось новое ощущение космоса как дома нестрашного, родного, близкого. Дом, как место проживания человека, своим пространством раскрывается в пространство города и сам город становится большим, удобным, обжитым домом. Так было в Италии. В Германии, Нидерландах, наоборот, дом был «закрытым, защищенным, это пространство, обжитое человеческой духовностью» [15, с. 52]. Дом эпохи Возрождения, по словам И.Е. Даниловой, это «замкнутый мир в себе, как своеобразная микро модель большого мира, наполненного вещественными знаками божественного присутствия» [6, с. 25]. Таким образом, в эпоху Возрождения трансцендентное и имманентное поменялись местами, изменилось сокровенное: земное пространство человеческого существования взяло на себя функции трансцендентного, а небесное — имманентного.

Для человека Нового времени характерно рациональное и прагматичное мировосприятие, тайну и чудо человек делает осязаемыми, материальными. Представление о мире в Новое время формировалось под влиянием научной рациональности — мир как «физическое пространство», «объект познания» и «рационального использования». Сила науки, ее познавательная мощь есть следствие того, что она порвала с религиозно-мифологическими представлениями о мире как уютном доме и объективно взглянула на мир. «Цивилизация, связанная с техно-наукой, чем дальше, тем больше теснила “уют” старых космологических представлений человечества и разрушала уют как феномен домашнего быта» [13, с. 96]. В искусстве происходит отход от возвышенного, божественного к земному, повседневному, соизмеримому с человеком и его жизнью. Это век обретения Дома не только в трансцендентном смысле, но и в его обыденном значении. Дом

становится духовным убежищем с ощущением защищенности от внешнего пространства, «освященное и освященное присутствием человека место, вырванное, отвоеванное у стихии мрака» [6, с. 30]. Сокровенное расположено не в небесной выси, а в том, на чем он стоит, исходит от ума, а не души, оно также рационалистично.

На рубеже XIX–XX вв., «на грани шевелящегося хаоса», звучит тема деформации дома (анти-дом), его разрушения, катастрофической утраты домашнего очага и трагической бездомности (тема «мирового кочевья»), что ведет к трансформации сокровенного, заключенного в жилом пространстве, изменение соотношения степени его сокрытости — открытости. Оппозиция «дом – антидом» выражается через противопоставления: дом духовный (дом внутри себя) — дом материальный; восхождение и свет (устремленность и свет предполагают просторность, открытость) — нисхождение, низ и тьма (коррелируется с потаенным, сокрытым в отрицательном значении).

Эпоха модерна демонстрирует новое отношение к миру: отчужденный, бесконечно-абстрактный мир преобразуется в мир «обозримый, очеловеченный, “теплый” мир-космос». Это время единства, с одной стороны, функциональности и комфортности, с другой, устремленность в надзвездное пространство. Больше того, утилитарность, функциональные достоинства направлены на создание поэтического настроения. Эпоха наслаждается благами современной цивилизации (водопровод, паровое отопление, электричество, лифт, автомобиль, телефон) и формирует комфорт, наделяет его эстетическими качествами, «возвышая поэтику благоустроенного быта до одной из важных духовных ценностей» [10, с. 241]. Жилые дома (особняки в частности) своим комфортом противостоят беспокойному ритму жизни индустриального города. «Все возможности современной техники и комфортность, виртуозность и мастерство архитекторов направляются на создание атмосферы, полной изысканной чувственности, тонких неуловимых настроений, лиризма и одухотворенности... В модерне происходит чудо преобразования — поэтизация обыденного» [10, с. 242]. В модерне наиболее полно проявились разнообразие форм, декоративность, орнаментальность и театральность интерьеров. Таким образом, эпоха модерна от-

крывает неклассическое сокровенное — духовный комфорт, соотносимый с удобством и уютom, через них происходит приобщение человека к высшим духовным ценностям и красоте. Происходит наделение имманентного функциями трансцендентного.

Постмодернизм со своими тенденциями отрицания исторической традиции, национальной культуры, преемственности разрушает гармонию, целостность мироздания. Гармония и единство мира распались на фрагменты. Целью постмодернизма становится потребление, что меняет духовные ориентиры. Сущность постмодернизма — цитирование, ирония, игра, сложные образные ассоциации и др. В итоге, сегодня наблюдается утрата традиционного смысла сокровенного и обретение «нового» сокровенного. Одно из «достижений» неклассической философии — преодоление дуализма, не то чтобы вышеописанные конструкты перестали существовать, они есть, но не противостоят друг другу, а либо находятся в забвении, либо происходит подмена понятий друг другом. Таким образом, неклассическое понимание «сокровенного» не отрицает традиционных трактовок понятия, но привносит в них свои оттенки методом синтезирования, взаимодополнения и взаимодействия. Происходит уравнивание (подмена) понятий, ранее расположенных на разных полюсах: душа – тело, священное – мирское и пр. В эпоху модерна происходит стирание границ, противопоставлений. Поиски сокровенного из категорий «священного», «возвышенного», «небесного» перемещаются на территорию обыденного, мирского, профанного. Современный представитель цивилизации в реалиях сегодняшнего дня отдаляется от священного, сакрального как сокровенного в себе, отрицает возвышенное, божественное, иррациональное, тем самым десакрализует мир. Его сокровенное выступает в ипостаси мирского, обыденного, земного.

«Новое» сокровенное можно определить как телесное, осязательное. Отказавшись от поиска метафизических смыслов, идей, идеалов, ценностей — всего духовного, человеку предоставлена лишь одна реальность — телесное. Телесность, по выражению В.А. Кутырева, вытесняет идеальность, осмысленность, духовность, человечность [11]. По словам Элиаде, «жилище современного человека утратило для

него свою космологическую ценность, его тело лишилось всякого религиозного и духовного значения» [22, с. 111].

«Новое» сокровенное представляется как хаос, тишина, пустота, которые «делают нашу жизнь неустойчивой, неуловимой, эфемерной» и мы живем в «эру пустоты», нам не на что духовно опереться [11]. Архитектор-философ К. Дэй подчеркивает тот факт, что здания навязаны жилому пространству и не соответствуют своему месторасположению, нечувствительны к его характеру, это лишь «чи-то застывшие высказывания, монологи, в которых нет ответа ни потребностям людей, ни потребностям места», они не несут в себе идеалов, воображения и вдохновения, не отражают ни будущее, ни настоящее, которое зиждется на прошлом [7, с. 10]. Теоретик и практик архитектуры Ю. Палласмаа считает, что современные постройки своей архитектурой вызывают порой любопытство и интерес смелым решением, изобретательностью, но не передают ощущение смысла нашего мира, нашего собственного существования. Тогда как человеку нужна архитектура «сосредоточенная и созерцательная», не стремящаяся к «шуму, эффектности и моде». Архитектуре нужно вернуть свою естественность, которая наполнила «наши сердца добрыми чувствами», создать архитектуру «тишины» [17, с. 105–106]. Д.С. Лихачев, отмечал онемение архитектуры через утрату своего языка, отсутствие значимости и индивидуальности жилого пространства в жизни человека, а ведь наши дома — это людские судьбы. Современные дома не просто «коробки», они «чемоданы; старинного скучного фасона, все одинаковые» [12, с. 192]. Современное жилое пространство, по его мнению, — это только удачный дизайн, и его беда в том, что он стал обладать агрессивностью. Грандиозные бесчеловечные стройки, воздвигаемые во имя абстрактного человека, губительны для природы, ценным является только то, что построено для человека конкретного, в конкретной местности [12].

Наши дома, отмечает К. Дэй, представляют места «складирования людей» в пространстве дома — человек не укореняется, а лишь удерживается на поверхности. Человеку же жизненно необходимо свое место как «дом для души, но не как ящик для тела» [7, с. 107]. Обезличенное жилое пространство не может быть ме-

стом формирования и развития духовности, гармонизации человеческой личности — квадратные метры лишены индивидуальности и не задевают человека за живое, оформлены согласно моде, заимствованиям, тем самым отвоевывая у сокровенного часть души. Прежняя модель строительства дома вокруг очага (кухни) сменяется концепцией дома как центра релаксации и неформального досуга, где кухни может и не быть; множество комнат как олицетворение ценности и роскоши уединения сменяется концепцией открытого пространства, где зоны перетекают друг в друга, максимально освобождая человека от физических и визуальных преград. Современный человек не расценивает больше свой дом как расширение своего тела. Дом стал местом сна и средством удовлетворения потребностей своих жильцов. Скорость, которая определяет нашу современность, приводит к тому, что человек не успевает освоить ту среду, в которой живет, сегодня он часто меняет жилье: переезжает внутри города, из города в город, из страны в страну, и каждый раз это новое жилье, которое не успевает никоим образом освоить [8, с. 238].

Дом связан с исчезновением частного пространства, преобладает «подиумное мышление» (телепередача «Дом-2»). Жилое пространство дома подвергается процессу десакрализации. Человек, имея свою жизнь и дом, погружается в бесконечные реалити-шоу, сериалы и пр., начинает жить чужой жизнью, чужим домом, чужими эмоциями, примеривая на себя любой новый образ (будь то олигарх-бизнесмен или женщина-вамп и пр.). Десакрализация способствует не просто потере уюта домом, а замещению его комфортом, который, по словам С.А. Лишаева, есть продуманная рациональность, «которая устраняет все импульсы», уют — иррациональность, способность задеть человека за живое [цит. по: 8, с. 235].

На наш взгляд, философское осмысление современного жилого пространства поднимает очень важную проблему — проблему сокровенного, проблему нового обретения и сохранения человеком подлинно человеческих (экзистенциальных) качеств в глобализирующемся мире.

Список литературы

1. *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
2. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит-ра, 1990.
3. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Vodr/Gor_Nas.php (дата обращения: 29.01.2013).
4. *Бубер М.* Проблема человека // Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993. С. 75–156.
5. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: Академия архитектуры, 1936.
6. *Данилова И.Е.* Мир внутри и вне стен. Интерьер и пейзаж в европейской живописи XV–XX вв. М.: РГГУ, 1999.
7. *Дэй К.* Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Ладья, 2000.
8. *Запесоцкий А.С.* Философия российской телесности. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.
9. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
10. *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х гг. М.: Искусство, 1982.
11. *Кутырев В.А.* Философия постмодернизма. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии госслужбы, 2006.
12. *Лихачев Д.С.* Заметки об архитектуре // Русская культура: сб. ст. М.: Искусство, 2000. С. 185–195.
13. *Лишаев С.А.* Феноменология уютного (к эстетической характеристике дома и домашних вещей) // *Mixtura verborum`2004: пространство симпозиона: сб. ст.* Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2004. С.61–96.
14. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т.6. Поздний эллинизм. М.: Фолио; АСТ, 1994.
15. *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009.
16. *Павлов А.В., Галкин В.Т.* Современная первобытность. Тюмень: ТОГИРРО, 1999.
17. *Палласмаа Ю.* Границы архитектуры — к архитектуре тишины // *Вопр. искусствознания.* 1993. №1. С. 92–107.
18. *Раннапорт А.Г.* Рецензия на книгу Марка Вигли. «Архитектура деконструкции» (The Architecture of Deconstruction: Derrida's Haunt). URL: <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569402&fl=5&sl=1> (дата обращения: 29.09.2012).
19. *Хайдеггер М.* Время и Бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993.
20. *Хренов Н.А.* Воля к сакральному. СПб.: Алетейя, 2006.
21. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: Русская Идея, 1997.
22. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

INNERMOST'S METAPHYSIC IN LIVING SPACE

Alla B. Kosterina, Elena Zh. Shupletsova

*Russian State Professional Pedagogical University, Institute of Arts;
11, Mashinostroiteley str., Ekaterinburg, 620012, Russia*

The main subject of this article is to find out metaphysical grounds of living space trough innermost category, inner transformation research in historical dimension, dialectics elicitation of innermost and explicitness in modern culture living environment.

Key words: metaphysics; culture; living space; innermost; home.